Architecture and Modern Information Technologies. 2022. №4(61). С. 176–200

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ АРХИТЕКТУРЫ

Научная статья
УДК/UDC 726:271.2(470)
DOI: 10.24412/1998-4839-2022-4-176-200

Покаянный канон преподобного Андрея Критского и Пасхальный канон преподобного Иоанна Дамаскина как камертон архитектуры православных соборов России

Николай Александрович Петров-Спиридонов[1]
[1]Московский архитектурный институт (государственная академия), Москва, Россия
[1]nicnord@mail.ru

Аннотация. В статье рассмотрены связи архитектуры православных соборов и содержания Великого покаянного канона и канона Пасхи. Показана необходимость создания сложных религиозно-психологических ассоциаций традиционного характера в архитектуре православных соборов. Приведены некоторые оценки православной архитектуры в трудах светских и церковных писателей. Выявлены отдельные характеристики и свойства архитектуры соборов, наиболее значимые для продолжения традиции.
Ключевые слова: православное храмовое зодчество, соборы, Великий покаянный канон, канон Пасхи, семантика церковной архитектуры, церковнославянский язык
Для цитирования: Петров-Спиридонов Н.А. Покаянный канон преподобного Андрея Критского и Пасхальный канон преподобного Иоанна Дамаскина как камертон архитектуры православных соборов России // Architecture and Modern Information Technologies. 2022. №4(61). С. 176–200. URL: https://marhi.ru/AMIT/2022/4kvart22/PDF/12_petrov.pdf DOI: 10.24412/1998-4839-2022-4-176-200
Финансирование: исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 21-011-44094 «Храмовое зодчество XXI века: теолого-педагогические подходы в архитектурном образовании».

ARCHITECTURAL HISTORY AND CRITICISM

Original article

The Penitential Canon of St. Andrew of Crete and the Easter Canon of St. John of Damascus as a tuning fork of the architecture of Orthodox cathedrals of Russia

Nickolai A. Petrov-Spiridonov[1]
[1]Moscow Architectural Institute (State Academy), Moscow, Russia
[1]nicnord@mail.ru

Abstract. The article examines the connections between the architecture of Orthodox cathedrals and the content of the Great Penitential Canon and the Easter Canon. The necessity of creating complex religious and psychological associations of a traditional nature in the architecture of Orthodox cathedrals is shown. Some estimates of Orthodox architecture in the works of secular and ecclesiastical writers are given. Some characteristics and properties of the architecture of cathedrals, the most significant for the continuation of the tradition, are revealed.

[1] © Петров-Спиридонов Н.А., 2022

Keywords: orthodox church architecture, cathedrals, the Great Penitential canon, the Easter canon, semantics of church architecture, Church Slavonic language
For citation: Petrov-Spiridonov N.A. The Penitential Canon of St. Andrew of Crete and the Easter Canon of St. John of Damascus as a tuning fork of the architecture of Orthodox cathedrals of Russia. Architecture and Modern Information Technologies, 2022, no. 4(61), pp. 176–200. Available at: https://marhi.ru/AMIT/2022/4kvart22/PDF/12_petrov.pdf
DOI: 10.24412/1998-4839-2022-4-176-200
Funding: The paper was written with the financial support by RFFR, within the scientific topic № 21-011-44094 «Temple architecture of the XXI century: theological and pedagogical approaches in architectural education».

О наследии святых из Дамаска и языке архитектуры

Оба преподобных – и Андрей Критский, и Иоанн Дамаскин – удивительным образом связаны одной (для нас) и эпохой VII–VIII веков, и причастностью в разной мере к городу Дамаску, и их личным значением как крупнейших православных писателей и гимнографов. Круг церковных молитвословий, – кроме, естественно, самой Литургии, – в эмоционально-религиозном отношении словно обретает вершины в двух написанных ими канонах из числа наиглавнейших. Покаянный канон прп. Андрея Критского, которому посвящены вечерние службы первых дней Великого Поста, и созданный преподобным Иоанном Дамаскиным канон Святой Пасхи, как главного праздника в православии, – это, как хорошо известно, две вершины богослужебного годового круга. Для тех, кто стремится серьезно участвовать в церковной жизни, такие события, как первые четыре дня Великого поста с чтением покаянного канона прп. Андрея Критского и утреня Пасхи, – действительно главные в отношении духовных переживаний и духовного труда.

Каноны Рождества Христова и великих праздников не менее важны и не менее торжественны. И при всем этом два названных канона словно образуют некую «струну», т.е. задают внутреннее звучание бытия души, которое сопровождает восхождение человека Великим постом от глубины покаяния к празднованию жизни Вечной, к торжеству Пасхи. Может ли таковая «струна», т.е. отчетливо осознаваемое, адресное духовно-нравственное движение от начала Великого поста к свету Пасхи, быть организующим началом, камертоном архитектуры соборов и храмов[2]? Сам факт того, что религиозные переживания составляли основу развития архитектуры православных храмов начиная с самых первых лет христианского храмостроения, очевиден. Но как можно выявить, оценить эти связи в целом и применительно к соборам в частности? В этом состоит основная методическая сложность настоящей работы.

Несмотря на названные сложности, автор полагает, что текстовый анализ наиболее выразительных фрагментов канонов в сопоставлении с общеизвестными эволюционными изменениями архитектуры православных соборов и, по мере возможности, с конкретными образно-семантическими решениями может дать ответ на поставленный вопрос. Следует сразу сказать, что в целом тексты канонов некорректно делить в прямом смысле на «менее значимые» и «более значимые» фрагменты. Как и все другие богослужебные тексты они признаны огромным числом людей и проверены самим бытием Церкви. Ничего «лишнего» в них нет. В данном случае речь идет о наиболее ярких и наиболее понятных в контексте исследования формулировках.

В текстах, особенно Великого покаянного канона, существует множество адресаций к событиям и именам Ветхого и Нового Заветов. Автор считает более простым в данном

[2] Категория «соборы» не отличается принципиально от приходских храмов; она выбрана для большей ясности критериев и условий исследования.

случае цитирование частей, не требующих от читателя объемного сопоставления с текстами Священного Писания.

Далее, нисколько не претендуя на статус богословских описаний, автор считает нужным своими словами обозначить направленность канонов, чтобы затем использовать это при обсуждении связей с архитектурой.

Великий канон прп. Андрея Критского без преувеличения можно назвать духовным опытом покаяния не какой-то определенной прослойки людей конкретной эпохи, а скорее всеохватывающим опытом православных верующих. При этом сам текст канона лишь описывает возможные духовные состояния людей – среди которых и каждый конкретный человек видит созвучное себе, и видит кающегося Человека как собирательный образ нравственного начала человечества. И сила молитвенного устремления к покаянию, чем особенно уникален этот канон, соответствует не единому человеку, не частной жизни индивидуума, а совокупности – «народу» – верующих, настолько глубоко и полно преподобным Андреем описаны духовные состояния.

Канон Святой Пасхи, составленный в совершенно другом филологическом ключе, выражает радость и благодарение Богу за уже свершившееся Воскресение. Он проще по текстовой структуре и непосредственнее по выражению религиозных переживаний. Если Великий покаянный канон описывает состояние и жизнь человека, уповающего на прощение и примирение с Богом, то Пасхальный канон утверждает радость именно *свершившегося обретения* вечной жизни. Являясь полюсами упомянутой «струны» – восхождения от покаяния к Воскресению – тексты канонов (в целом) существуют в разных временах – времени «чаяния» и времени «обретения» вечности, обретения необратимого и обещанного праведникам свыше.

Итак, если предположить, пока гипотетически, что существует корреляция между «осью» духовного развития, задаваемой смыслом названных канонов, и архитектурой (соборов в нашем случае), то такая корреляция, помимо прочего, может выражаться в присутствии ассоциаций с «психологически разными временами» в архитектуре. А именно – и с присутствием «времени чаяния прощения», т.е. времени покаяния, и присутствием времени обретения жизни Вечной не в метафорическом, а в осязаемом, почти буквальном смысле. Архитектура храма, собора в идеале должна впитать в себя названные ассоциации, что, на первый взгляд, представляется неразрешимой сверхзадачей.

И, прежде чем перейти к цитированию фрагментов, следует обговорить еще одну важную позицию. Рассматриваемые каноны ни в коей мере не стоят особняком в ряду других богослужебных текстов православной Церкви (Литургию мы изначально не рассматриваем). Обсуждаемое в аспекте темы содержание канонов тождественно общему кругу богослужения, но сами их тексты более наглядные, яркие именно для той постановки вопроса, которая существует в данной работе. Кроме того, мы априори отвергаем «языческую» согласованность содержания канонов с какими-либо конкретными компонентами архитектуры соборов и храмов. Например, в том примерно роде, что «несущий» ярус обязан ассоциироваться с покаянным каноном, а «несомый» – с каноном Пасхи. Подобный психологический детерминизм несовместим с содержанием вероучения, т.к. архитектурная сторона не заменяет собственно духовную; архитектура является средством пространственной организации богослужения и источником *цельных* ассоциаций с категориями вероучения[3]. Уместно предполагать, в общем виде, что образная система архитектуры собора в идеале многомерна, в ней параллельно

[3] В настоящее время в ряде публикаций циркулируют мало объяснимые формулировки о дискретных, частных привязках конкретных имен и символов к конкретным формам архитектуры храмов. Ни одного церковного документа, подтверждающего подобную «методологию», как известно нет. Поэтому высказывания такого рода, что «столько-то куполов символизируют именно таких-то святых» ничем не подтверждены, и идти по такому пути ошибочно. Архитектура храма образует цельное поле ассоциаций, в котором присутствуют и ассоциации, например, с конкретными святыми.

присутствуют ассоциации и с «временем покаяния», и с «временем обретения Воскресения».

Наиболее показательные примеры текста канонов в аспекте темы и их содержание

О Великом покаянном каноне прп. Андрея Критского

Почти в самом начале Великого покаянного канона есть адресация к образу храма (без конкретики архитектуры). Причем эта адресация имеет вес не отдаленного сравнения, а по сути является «опорной». Ветхозаветная Скиния как первый прообраз всех храмов отождествляется с внутренним храмом – душой человека, причем человека «до-греховного». Автором в предыдущей статье сделана попытка анализа значения религиозной категории до-греховного человека и категории «духовного антропоморфизма» в архитектуре православных соборов [1]. Здесь, наряду с другими рассуждениями, открывается возможность продолжить и эту тему. Скиния означает и устроение души, к которому нужно вернуть себя покаянием, и одновременно понятие «Скиния» означает образно-ассоциативную опору сердца человека. Если можно так говорить – это «базис» для покаяния, базис для последующего развития содержания канона, и поэтому формулировка эта находится почти в начале канона. Если бы канон начинался сразу с нее, возможно, выразительность текста была бы меньшей. С самого начала идет и предуготовление к последующему развитию, и «обратный возврат времени» – поиск точки отсчета. Первые строки канона[4]:
«Откýду начнý плáкати / окая́ннаго моегó житиѧ́ деѧ́ний? / Кóе ли положý начáло, Христé, ны́нешнему рыдáнию? / Но я́ко благоутрóбен, / даждь ми прегрешéний оставлéние».

Как мы говорили ранее, сразу формируется особое «время чаяния оставления грехов», и именно поэтому молящийся в самом себе определяет «точку отсчета» своих духовных размышлений. И чуть позже, на 2-й песне канона:
«Погуби́х первоздáнную добрóту / и благолéпие моé, / и ны́не лежý наг и стыждýся.
Сшивáше кóжныя ри́зы грех мне, / обнажи́вый мя пéрвыя / боготкáнныя одéжды.

И далее через несколько строк:
Любовéщное и любоимéнное житиé, / невоздержáнием, Спáсе, предпочéт ны́не, / тя́жким брéменем обложéн есмь.
Украси́х плотски́й óбраз / скверных помышлéний разли́чным обложéнием, / и осуждáюся.
Внéшним прилéжно благоукрашéнием / еди́нем попекóхся, / внýтреннюю презрéв / богообрáзную ски́нию».

Здесь нужен комментарий: слова «(грех) обнаживый мя первыя боготканныя одежды» означают утрату образа первозданного Адама, «до-греховного человека». Упоминание образа Скинии – внутри человека как его главной «структуры» в духовном смысле – это во многом и есть фундамент, основа дальнейшего действия покаяния. Какие здесь просматриваются привязки архитектурного рода? Поначалу кажется, что в буквальном смысле – нет никаких. Но необходимо, на наш взгляд, проследить дальнейшее развитие текста. На каждой песне канона идет обращение наибольшей глубины к лицам и образам Священного Писания. Смысл этого, как говорилось, – максимальный охват духовного пространства. Говоря повседневным языком, покаяние и происходит, и «обсуждается» в каноне не на уровне частных эмоций и частных поступков отдельного человека, а на том уровне, о котором всегда говорили – «мир на том стоит». Поэтому, даже не зная, возможно, всех упоминаемых имен, можно понять переходящий из песни в песню посыл сравнения жизни молящегося со всеохватывающими примерами из Священного Писания. Так, далее на 2-й песне:

[4] Здесь и далее тексты канонов по электронной версии традиционного текста. Доступ: https://православный-молитвослов.рф/post_tr/text/vel_kanon_5.html; https://православный-молитвослов.рф/cvet_tr/text/003.html

«Ирмос: Ви́дите, ви́дите, я́ко Аз есмь Бог, / ма́нну одожди́вый / и во́ду из ка́мене источи́вый / дре́вле в пусты́ни лю́дем Мои́м, / десни́цею еди́ною и кре́постию Моéю.

Ви́дите ви́дите, я́ко Аз есмь Бог, / внуша́й, душе́ моя́, Го́спода вопию́ща, / и удали́ся пре́жняго греха́, / и бо́йся я́ко неумы́тнаго[5], / и я́ко Судии́ и Бо́га.
Кому́ уподо́билася еси́, многогре́шная душе́, / то́кмо пе́рвому Ка́ину и Ламе́ху о́ному, / каменова́вшая те́ло злоде́йствы, / и уби́вшая ум безслове́сными стремле́ньми.
Вся пре́жде зако́на прете́кши, о душе́! / Си́фу не уподо́билася еси́, / ни Ено́са подража́ла еси́, / ни Ено́ха преложе́нием, ни Но́я, / но яви́лася еси́ убо́га пра́ведных жи́зни».

Дистанция, отмеряемая «от жизни праведных», это один из основных лейтмотивов канона. И тут, на наш взгляд, уместен вопрос, каким бы он не казался поначалу риторическим: а может ли архитектура собора, храма «отмерять» дистанцию каждого конкретного приходящего в него человека по *отношению к жизни праведников*? Видимо, вполне может, и ее по-своему «отмеряет» безусловно сам человек, если архитектура являет собой образ неземной, ангельской чистоты. Сразу просматривается отчетливое совпадение в том отношении, что наивысшая для верующего радость Пасхи в смысле рождаемых архитектурой ассоциаций возможна при достижении небесной чистоты – и для сопоставления с жизнью праведников, для покаяния нужны аналогичные настройки, качества и свойства архитектуры. Образуется своего рода *тезис о двуединстве архитектуры собора, храма: и контекст покаянных молитвословий невозможен без сопоставления жизни конкретного человека с идеалами божественной чистоты, и радость Пасхи также расцветает в ощущении этих идеалов как главного ассоциативного ряда, пробуждаемого архитектурой собора или храма.*

Как выражение надежды и как выражение возможностей человека, не сходящего с пути духовного развития, в каноне есть слова (из 5-й песни):
«Моисéов жезл вообража́й, душе́, / ударя́ющий мо́ре и огустева́ющий глубину́, / во о́браз Креста́ Боже́ственнаго, / и́мже мо́жеши и ты / вели́кая соверши́ти».

Смысл абсолютно ясен: после преодоления пути покаяния человек может быть возвышен Богом до любой степени подлинного величия и силы наравне с величайшими святыми и пророками. Данное установление свойственно, как известно, всем богослужебным текстам в православии, но здесь это выражено наиболее емко. Как это может отображаться в архитектуре собора? Как минимум, хотя бы по аналогии с принципом медицины «не навреди», т.е. архитектура собора не должна быть отстраненной, пустой в смысле пробуждения ассоциаций с названными категориями. Как в реальной практике проектирования создать пространство, ассоциативно не чуждое описанному подъему человека до наивысших духовно-нравственных ступеней через покаяние? Рецептур нет, но мы и не можем сказать, что это никак не просматривается в том ассоциативно-семантическом поле, которым обладают многие соборы, в особенности старинные.

Текст канона имеет специфическое развитие (структура текста всех канонов одна, каноны завершаются 9-й песней). В 8-й песне постепенно происходит переход к сравнениям с понятиями и событиями Нового Завета, что соответствует в целом содержанию Священного Писания, и показывает, поначалу отдаленно, чаемый результат покаяния. Само покаяние – это не процедура некоего ритуального «самобичевания» с нулевым итогом и фарисейской подоплекой, как это может быть представлено материализмом марксистско-ленинского или иного философско-эгоцентрического толка. Покаяние – это не «наказание, понесенное за совершенные проступки», а духовное исцеление, что прекрасно описано наряду с другими церковными авторами священномучеником Иларионом Троицким [2]. По мере приближения к завершению Великого покаянного канона растет твердая надежда на прощение от Бога, на то, что путь к вечной жизни человеку не закрыт. Такова «общая линия» развития содержания канона прп. Андрея Критского, и, что наиболее существенно для нас, ближе к завершению появляются снова значимые слова о

[5] Неподкупного.

храме внутри души человека, но уже с иными интонациями, нежели в первом упоминании о Скинии. В обращении к святым Апостолам – земной основе Церкви – показан человек-храм, т.е. сами апостолы уже имеют значение и вес победителей духовных недугов, грехов, и объяснение этой победы скрыто в словах «храмове освящении».

Из 8-й песни:
«Куми́ры стра́стныя души́ моея́ сокруши́те, / и́же хра́мы и столпы́ сокруши́сте врага́, / апо́столи Госпо́дни, / хра́мове освяще́ннии».

Примечание: здесь, как и во многих молитвословиях, «враг» – это не враг военный, геополитический, земной, это «враг рода человеческого», уводящий душу в ад. Это важно не упускать из виду, т.к. очень часто духовные подвиги и действия апостолов описываются словами, будто бы напоминающими военные действия, политику – то, в чем апостолы никогда не участвовали. Возврат к человеку-храму, к душе-храму – это цель развития текста покаянного канона и практическая цель приступающего к этому канону молящегося. Категория гуманитарно-религиозная – «храм-душа» – вполне проецируется и на архитектурную категорию храма как вещественного здания со своими особыми пространственными характеристиками.

Таким образом, уже на данной стадии осмысления текста Великого канона прп. Андрея Критского мы можем сформулировать три постулата, непосредственно касающиеся архитектуры соборов и храмов.

Первые два сходны, но нецелесообразно объединять их в один. *Итак, первое: архитектура должна создавать ассоциативно-семантическое поле, которое позволяло бы человеку осознать дистанцию «от своей жизни до жизни праведников Ветхого и Нового Заветов». Второе: качества архитектуры должны предвосхищать и утверждать при этом радость Пасхи. Третье: в архитектуре должны отображаться представления о том, насколько высоко может подняться человек, прошедший путь не-фарисейского покаяния.*

И, кроме этого, просматривается еще один «постулат» или скорее тезис, достаточно сложный, но вполне реально существующий. Он требует неких предварительных пояснений. Так, мы ранее пытались рассматривать возможные соответствия смыслового наполнения Великого канона прп. Андрея Критского со свойствами и характером архитектуры соборов. Смысловое наполнение Великого Покаянного канона в данном случае, как и во всех богослужебных текстах в православии, в полной мере выражается только церковнославянским языком. Почему? Явно, что не из-за наличия каких-либо особо «колоритных» слов (существительных в основном), отсутствующих в современном русском и в языке последних 200–300 лет нашей истории. Все каноны – это относительно короткие тексты, незнакомых слов там можно встретить единицы, от силы – несколько десятков, и они редко являются единственной основой текста. Они непривычны нам в нашем времени, но несложно воспользоваться словарем. Основная роль церковнославянского в полноте передачи духовных устремлений и состояний – абсолютная пластичность и максимальная сжатость временных форм глаголов. В этом отношении современный язык неизмеримо более плоский, одномерный и «рассеянный», размытый в смысле возможности емко и во всю силу выразить движение, чувство, достижение *духовного* результата. Церковнославянский позволяет практически неограниченно «соединять» несовместимые на первый взгляд времена[6]. Так, реальностью «настоящего мига» (в церковнославянском) вполне может быть действие, окончательно и бесповоротно совершенное в прошлом, оно совершено, но все равно живет в настоящем. Или – глагол настоящего времени в церковнославянском не ограничивается временем реальным, а становится и прошлым, и будущим и т.д. Например, в современной речи мы употребляем глагол «говорит» (некто). Это: или говорит сейчас – по телевизору или наяву; «говорит» в статье, книге – т.е. сказал

[6] См. например: Воробьева А.Г. Учебник церковнославянского языка. Москва: Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, 2008. 368 с.

в прошлом; «говорит» – позиционирует некие идеи, но это все достаточная абстракция в смысле присутствия в реальном времени, за исключением состояния «говорит в данный момент». Церковнославянское «рече» намного глубже, шире по охвату времени и никогда не закончено в том смысле, что не становится абстракцией, отголоском. «Рече» – это и говорит, говорил 2000 лет назад и так же осязаемо говорит сегодня, и это гарантированно перейдет «в завтра». В церковнославянском также нет *фантомов*[7]. Есть ли подобия такой сложной и всепроникающей временнóй организации в языке церковного зодчества? Более чем сложный вопрос. Видимо – есть.

В упомянутой ранее публикации автора [1] есть некоторые рассуждения о том, что уникальные произведения зодчества, такие как как Преображенский собор Переяславля-Залесского, рождают у созерцающего чувство сразу «двух времен» – реального времени созерцания и «времени вечности», или состояния (ощущения) явной вечности, проливающейся на человека. Поневоле приходит сопоставление с тем, о чем говорилось выше. Можно образно сказать: собор не «построен» в прошлом, все уже необратимо завершилось и удаляется от нас[8], а он ежеминутно присутствует в жизни человека как реальность соединения его с вечностью, т.е. он «созиждился». Задумывались ли зодчие над тем, что нужно овладеть навыками выражения «разных времен» в создании нравственно-религиозных и художественных ассоциаций? С одной стороны, это невозможно подтвердить источниками, скорее всего, с другой – нет оснований категорически это отрицать, тем более что они органически жили в сердцевине событий общин, приходов, монастырей и осязали богословие не в книжном изложении, а напрямую, как реальность и практику их собственной жизни и участия в богослужении. Доказательство тут крайне простое – это их невероятное мастерство, до которого не смог во многих случаях подняться просвещенный и индустриально развитый XIX век, как и начало XX-го.

Итак, упомянутый тезис, дополняющий по итогам размышлений три названных ранее «постулата», можно записать так: *существует ли (существовал ли) «церковнославянский язык» старинной архитектуры соборов как аналогия емкого и всеохватывающего во временнóм смысле языка церковных служб?*

Особенности Пасхального канона преподобного Иоанна Дамаскина в контексте исследования

О Пасхальном каноне в контексте работы говорить сложнее, т.к. его прямое переживание во время празднования Пасхи по сути настолько полно, что какие-либо «светские» дополнения кажутся малозначимыми. Тем не менее, желая приблизиться к цели – поиску ассоциаций и связей с формированием архитектуры православных соборов, мы по мере сил постараемся продолжить разбор текстов в ранее начатом ключе.

Слова на 1-й песне:
«Очи́стим чу́вствия, и у́зрим непристу́пным све́том Воскресе́ния, Христа́ блиста́ющася, и ра́дуйтеся, реку́ща, я́сно да услы́шим, побе́дную пою́ще».

«Очистим чувствия» – это краткий остыл к Великому покаянному канону, как и к другим покаянным молитвословиям. Далее (к вопросу о гибкости церковнославянского в том

[7] Под словом «фантом» мы подразумеваем здесь конструкции (и отдельные слова), которые употребляются в современности только в качестве вариантов «сленга» – по большей части как средство обозначения некоего «градуса» психоэмоционального или психофизиологического раздражения разного рода, или фиктивных эмоций. Никакого соответствия смысла буквальному, прямому значению слов при этом как правило не подразумевается.

[8] Вполне уместно, например, вспомнить здесь слово «зиждется» – которое и сейчас иногда в употреблении. «Зде» – крыша, «здати» – строить; «зиждется» в современном языке чаще означает не столько глагол, сколько степень чего-либо – «такова концентрированная сущность предмета описания». О Преображенском соборе Переяславля - Залесского хочется сказать не «построен», а «со-здан», или буквально «со-зиждется», «созиждился» – т.е. был воздвигнут. Глагол «построен» не впитывает в себя «время вечности».

числе) – «узрим» то, что почти невероятно видеть воочию – Христа, «сияющего» (по-современному) неприступным, т.е. недостижимым почти для человека светом. Степень света охарактеризована церковнославянским «блистающаСЯ», а не «блистающего», потому что это «блистание» не чьим-то светом, а своим – Божественным, изначальным, созданным «прежде века». Таково православное миропонимание. Это все вместе означает наивысшее душевное и духовное напряжение человека: нужно увидеть и понять «свет неприступный», который безграничен во всех отношениях. Общеизвестно, что такая степень возвышения описана не только в Пасхальном каноне. Например, есть толкование Антония Великого на слова Псалтири «во свете Твоем узрим свет»[9]. На Часах, в конце первого Часа, в молитве есть слова: *«да знаменается на нас свет лица Твоего, да в нем узрим Свет Неприступный: и исправи стопы наша к деланию заповедей Твоих».*

Что «могла бы» сказать архитектура в подобном значении или «направлении» переживаний души? Заметим, что в Пасхальном каноне почти сразу, как и в Великом покаянном каноне, задано основное «измерение». Там – найти точку отсчета для начала собственного покаяния и опору в чувстве «внутренней Скинии», здесь – в задаче постичь «свет неприступный» и проникнуться им, чтобы в полной мере ощутить радость и торжество Воскресения. Следовательно, само пространство храма должно в идеале быть таким, что в нем «знаменается свет неприступный». Опять же, церковнославянское «знаменается» – это бесконечно-продолженное время, отличное от современного одномерного «знаменуется» в настоящем или «назнаменовалось» в необратимо прошедшем. Человек должен воочию видеть свет неприступный (в архитектурном образе), который бесконечно льется, «знаменается». Более чем сверхзадача для зодчего.

Затем, по тексту канона – из наиболее существенных для нас слов. В 4-й песне:
«Богоотéц ýбо Давúд пред сéнным ковчéгом скакáше игрáя, лю́дие же Бóжии святúи, образóв сбытиé зря́ще, веселúмся Божéственне, я́ко воскрéсе Христóс, я́ко всесúлен».

Совмещение в одной фразе событий Ветхого и Нового Заветов – отдельная богословская тема, которая выходит за пределы компетенции архитектуроведения. В нашем случае важно следующее: это «изменение времени», обсуждавшееся ранее. В Великом покаянном каноне – еще только чаяние прощения. Здесь же однозначно утвердительное: «людие святии» – «веселимся». Не где-то в неопределенности, а здесь совершается обретение святости, обретение вечной жизни. Т.е. и *святые* вообще, и мы, присутствующие на службе, переживаем духовную радость, веселимся, как святой Царь Давид перед Ковчегом Завета. Снова, как в тексте покаянного канона, обозначен размах немыслимой, невообразимой широты – подъем от глубокого покаяния до статуса святых, иными словами – «друзей Божиих», как часто говорится в церковных текстах. Мера «сверхзадачи» для зодчего, положенная такими словами и понятиями – невообразимо велика и высока. Как это решалось в практике отечественного зодчества? Мы по возможности попытаемся ответить чуть позже.

Далее, среди многих существенных для нас формулировок выделим:
Из 8-й песни:
«Приидúте нóваго виногрáда рождéния, Божéственнаго весéлия, в нарóчитом дни Воскресéния, Цáрствия Христóва приобщúмся, поюще Егó я́ко Бóга во вéки».

Из 9-й песни:
«О Пáсха вéлия, и священнéйшая, Христé! О Мýдросте, и Слóве Бóжий, и Сúло! Подавáй нам úстее Тебé причащáтися, в невечéрнем дни Цáрствия Твоегó».

[9] Антоний Великий (~251−~356 гг.) «Яко у тебе источник живота, во свете твоем узрим свет». Давид говорит: во свете Твоем узрим свет (Пс 35:10). Что же это за свет, в котором видит человек свет? Это тот свет, о коем упоминает Господь наш Иисус Христос в Евангелии, — т.е. чтоб весь человек был светел, и не было в нем ни одной части темной (Лк 11:36).» Источник: Толкование на Псалтирь 35:10 — толкование отцов церкви: https://bible.by/fater/19/35/10/

Здесь слово «нарочитый» от слова «нарок» – имя, это мера торжества, т.е. это не означает «нарочитый» в современном смысле - искусственный, преднамеренный.

Самое существенное (мы не говорим о прямых эмоциях переживания Пасхи, отраженных в каноне) – эти слова говорят о приобщении к торжеству Воскресения. В первом стихе – призыв «приобщимся», и во втором – обозначение Царствия Небесного как настоящего, реального времени для тех, кто стремится причащаться, уже имеется в виду не только «приобщимся» во многих значениях, а Причастие как Таинство. Слова «причащатися в невечернем дни» это однозначно – «присутствовать, причащаться в Вечности». Т.е. это снова показывает сложнейшую структуру текста, он охватывает времена и «вещественные», астрономические, и неизменное время Горнего Мира. Как бы ни было сложно искать, увидеть ассоциации с этим в архитектуре собора, храма – совершенно неправильно их *не искать, не стремиться увидеть.*

Таким образом, мы вправе сказать, что несмотря на разное содержание, разную направленность канонов между ними нет никакой несогласованности, разнородности, и они действительно могут образовывать «струну» духового устремления, даже напряжения, создавать путь внутреннего движения к празднованию Пасхи. К тем четырем формулировкам (условным «постулатам» данной работы) можно прибавить пятую, объединяющую. *В идеале все происходящее должно возвышать человека, чтобы он соприсутствовал в «невечернем дни», во времени Вечности, не только Небесном, но и земном тоже.* Это самый сложный момент для обсуждения в работе, но его нельзя игнорировать.

В зависимости от подходов в философском, гностическом отношении, в зависимости от эпохи произведения церковных авторов трактуются весьма по-разному. Например, для одних житие преподобного Сергия Радонежского – только филологический памятник, созданный сообразно «жанру». Для других – совершенно реальная информация, адекватная происходившему, в том числе и относительно «нереальных» событий, «чудес». Это крайне сложно обсуждать, но необходимо, чтобы не упустить важнейшие пласты рассматриваемой темы. Элементарное сопоставление – неисчислимые миллионы людей за два тысячелетия сходятся в оценке многих фактов из духовной практики подвижников, святых. В том числе именно как реально существующие вещи (не принимая во внимание всевозможные подделки, мистификации, «кликушество» и прочее) признается иное видение и ощущение времени людьми, поднявшимися до высокого духовного уровня. Материалист – «ученый» (кавычки подразумевают, что степень признания «учености» может быть различной), скажет: «не может быть, чтобы преподобный Сергий во время Куликовской битвы поименно называл падших воинов практически в реальном времени». Но к такому «ученому» почему-то не идет никто (единицы максимум), а у мощей преподобного Сергия, как писал В.О. Ключевский, повергались и повергаются «целые сонмы русских душ»[10].

Поэтому особый род ассоциаций, пробуждаемый архитектурой отечественных соборов, нельзя априори сводить только к ассоциациям этнографического или поведенческого толка («колорит эпохи», «мода» и т.д.). Духовное познание – вплоть до постижения «времени Вечности» – это ценности души человека. Произведение архитектуры при должном уровне вполне может пробуждать и хранить такие ассоциации и мысли.

[10] Стандартное «заклинание» - что таковой «ученый» настолько развит, что его «не понимают» - никуда не годится, т.к. вся история России и в духовном, и в военном, и в культурном, и в научном отношении создана как правило «недопонимающими» - в такой системе отсчета. Немаловажно, что серьезные ученые, занятые сугубо вещественными областями, в основном не стремятся выносить «материалистические убеждения» далеко за границы своих областей именно вследствие реального опыта познания – если невозможно создать прибор, способный зафиксировать духовные категории – то надежнее и достовернее не выносить рассуждения об этом в свою дисциплину, а разговоры «вообще про все» у «ученых» в кавычках незначимы.

«Вы, может быть, и Покалипс понимаете?»

Эта острая и глубокомысленная на самом деле, а не юмористическая фраза Гончарова[11] вскрывает один из процессов XIX века и Синодального периода в целом; многое из трудов Гончарова ныне анализируется как своего рода документальный материал о судьбах Православия в XIX веке [3]. И.А. Гончаров для настоящей темы может быть признан надежным свидетелем. Он, по существу, происходил «из трудящихся», которые понимали многое в народной жизни, из усердно трудившихся купцов. Московский Университет времен Лермонтова не стал для него школой вольнодумства, в чем, видимо, заслуга таких профессоров-патриотов, как М.П. Погодин и других. Не прельстившись идеями эфемерного прогресса, Гончаров интуитивно искал понимания происходившего вокруг и связи различных явлений с религиозными традициями. Поэтому за поверхностно эффектными сторонами его творчества есть другое, чем он отличается от многих авторов – есть отображение изменений религиозного сознания.

Для чего в данной работе это нужно? Возможно, среди неких прослоек – и крепостных последних десятилетий крепостного права, и купцов, и дворян, и разночинцев (позже) – Синодальный период стал временем, когда звучание упомянутой «струны» духовного напряжения и действия, заданное, в частности, рассматриваемыми канонами, наиболее ослабело. Потом, в революционные и последующие годы, для тех, кто не отошел от православной веры[12], духовные ценности вновь стали понятны во всей силе, хотя и резко сократилось число церквей. Архитектура храмов неизбежно связана со всем этим комплексом явлений.

Зодчий не может «искать то, чего нет». Если есть определенные религиозные переживания, состояния души. То творчество неизбежно связано с их постижением и переживанием уже самим автором-архитектором. Поэтому мы поневоле кратко касаемся времени Синодального периода, оно неоднозначно. Средневековье в этом отношении более однородно, как известно.

Сравнивать соборы разных эпох принято по объемно-пространственной композиции, по стилям, по особенностям интерьера и характеру росписей, по заимствованиям из других архитектурных традиций и т.д. В данной работе нет возможности провести развернутое сравнение по эпохам в избранном нами ключе. Но возможно хотя бы обозначить то, что «камертонами» архитектуры соборов названные состояния религиозных переживаний

---

[11] «— Вы, может быть, и Покалипс понимаете? — едко спросил он.
— Апокалипсис, хочешь ты сказать, — поправил я.
— Ну, Покалипсис! — с неудовольствием добавил он.
— А что же: понимаю, — храбро сказал я, чтоб посмотреть, что он?
Я еще не успел кончить своего ответа, как мой Валентин завизжал пронзительным смехом, воротя лицо, из почтения ко мне, в сторону, к стене. «Хи-хи! хи-хи!» — визжал он. Потом оборотился мельком ко мне, взглянул на меня и, быстро отвернувшись, опять завизжал, напрасно стараясь почтительно сдержаться.
— Что тут забавного? — сказал я, сам весело глядя на него.
— Как же-с... хи... хи... хи... — заливался он.
Наконец мало-помалу унялся, отдышался, откашлялся. «Извините меня, сударь, право, не могу... хи, хи, хи!»
— Это у нас в селе был дьякон Еремей... — начал он с передышкой. — Он не Еремей, а отец Никита, да его прозвали Еремеем. Он тоже хвастался, что понимает Покалипс...».
Гончаров И. А. Слуги старого века // Гончаров И. А. Собрание сочинений: В 8 т. – М.: Гос. изд-во худож. лит., 1952—1955. Т. 7. Очерки, повести, воспоминания. – 1954. – С. 316–383.

[12] Такие оценки крайне сложны – некоторые авторы пишут, что в предвоенные годы, несмотря на «пятилетки безбожия», примерно половина городского населения считала себя верующими, а в сельской местности традиционно много больше. Например, Сазонов, Д.И. Развитие приходской общинной жизни в Русской Православной Церкви и ее особенности с 1918 по 1988 годы. Вестник Костромского Государственного университета, 2017. Доступ: https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-prihodskoy-obschinnoy-zhizni-v-russkoy-pravoslavnoy-tserkvi-i-ee-osobennosti-s-1918-po-1988-gody/viewer

были в несколько разной мере на протяжении всей тысячелетней истории отечественного зодчества. И, по возможности, следует обрисовать хотя бы разницу эпох в отношении восприятия населением обсуждаемых явлений – и архитектурных, и религиозно-общественных.

Гончаров, как и многие его более ранние и поздние современники-писатели, видел действительно многое, о чем вряд ли в полной мере задумывались широкие слои. Что существенно в нашем случае – отображение религиозной жизни, вопросов понимания веры перешло в некое достаточно далекое от «внешностей», в том числе архитектуры, измерение. Редко кто, как Гоголь, делал прямые сравнения и оценки архитектуры[13]. Вопросы веры – не показной, а подлинной – сосредотачиваются в произведениях в душевных событиях человека, как у Тютчева, у Достоевского, у Лескова; архитектура как среда идет чаще «вторым планом», если и упоминается.

О возможности оценки изучаемых явлений через наблюдения писателей

Архитектурные научные школы как таковые формировались с отставанием в век, даже во много веков по отношению к практическому проектированию и строительству соборов, храмов. Об архитектуре (в узкопрофессиональном понимании) писали редко, и тем более в XVIII–XIX веках. Основной метод долгие годы был описательно-исторический, либо сугубо искусствоведческий. Поэтому вполне правомерно использовать письменные свидетельства, просто включающие впечатления от храмовой архитектуры – не только ученых, но и писателей, публицистов, историков общего профиля.

О светской литературе XX века поневоле приходит мысль, что здесь полностью подтверждаются слова Евангелия «яко без Мене не можете творити ничесоже» (Ин. 15.5). Как эмиграция, за исключением единичных великих людей, таких как Бунин, Рахманинов, не дала ничего, хотя и начиналась под лозунгом «сохранения великой русской культуры», так и постперестроечная «свобода» дает в православной культуре что-либо только тем, кто стоит *на камени веры*, остальное, как известно, несущественно. 1990-е годы показали, что с Запада от русских не вернулось почти ничего (к счастью, не особо ароматные лавры Солженицына никто не спешит осязать). Вера оскудела и растворилась в «безбожной цивилизации» Запада во многом. Некоторые первые эмигранты, как Шмелев, создали, безусловно, немало пронзительных ностальгических образов и произведений. Но, обладая поверхностно-эмоциональной верой начала XX века, такие люди редко могли устоять перед катастрофическими спадами духовности; тот же Шмелев, если верить публикациям общественности его времени, заблуждался насчет фашистов, пока не увидел смысл их «борьбы с большевиками». Поэтому, в целом, мы вынуждены признать, что светская культура XX века крайне слабо отражает то, что мы бы хотели видеть, а именно – *впечатления от пространства и архитектуры храмов в реально происходящем богослужении и в сердце верующих*. Это не означает огульного отрицания усилий тех, кто в XX веке размышлял над религиозными темами. Были и богословские достижения (в эмиграции) в отношении понимания того, что церковные искусства должны преодолеть зашоренность, «узколобость» Синодального периода и вернуться к полнокровной церковной жизни по образу Древней Руси. Был общий итог трудов Шмелева, к сожалению, незавершенный. Он вышел на главную по существу писательскую тему XX века – о возврате высокообразованного, «современного» человека-атеиста к вере и Церкви. Но все же найти более-менее ясное и детальное выражение внутренних событий в Пасху, или во время ночной монастырской службы с Великой Пятницы на Великую Субботу с чином погребения Плащаницы в литературе почти невозможно. Остается судить об архитектуре больше по косвенным характеристикам писателей или по общим (в смысле не посвященным архитектуре) трудам церковных авторов.

[13] В 1835 году в сборнике «Арабески» была опубликована статья Гоголя «Об архитектуре нынешнего времени».

Можно начать цитирование с известных слов Святителя Феофана Затворника: *«Не поражайте храма суемудрием и своеволием, иначе умрете духом»*. Это высказывание о духовной жизни в целом, но оно проецируется и на архитектуру. Действительно, если взять упоминавшееся содержание двух избранных нами канонов, то очевидна полная неуместность «суемудрия и своеволия» по отношению к их содержанию в жизни. И равно неуместны «суемудрия и своеволия» архитектурные, если они заглушают звучание упомянутой «струны».

Из трудов священномученика Илариона Троицкого:

«Широка, просторна ты, страна родная! Бедна она внешними эффектами, но богата внутренними красотами духа! Не гордо взлетевшие на скалы замки смотрятся в тихие струи наших русских рек – к этим струям подходят смиренные деревни и села с убогими строениями. Только и есть всего одно украшение этих смиренных селений смиренного племени славы – Божьи храмы с колокольнями смотрятся в зеркало русских рек. С детства привык я, мой милый Друг, видеть такую именно картину на своей родине, на берегах родной Оки. Выйдешь у нас в Липицах на горку позади села, посмотришь на долину Оки – верст на сорок видно вдаль. Только в ближайших деревнях своего и соседнего прихода разбираешь отдельные дома, а дальше заметны лишь здания Божьих храмов: красная тешиловская церковь, белая церковь в Лужках, в Пущине, в Тульчине, а на горизонте в тумане высятся каширские колокольни... Приедешь, бывало, домой на Пасху. Выйдешь к реке. На несколько верст она разлилась, затопила всю равнину. И слышишь по воде со всех сторон радостный пасхальный трезвон во славу Христа воскресшего: и с нашего тульского берега, и с московского несется звон, будто две церкви, две епархии сливаются в одном торжественном гимне. Ярко и ласково светит весеннее солнышко, шумно бегут по канавам мутные потоки, важно расхаживают по земле грачи, вся земля будто проснулась и начала дышать, зеленеет уже травка. Оживает природа, и смиренный народ справляет праздник Воскресения. Слышишь, бывало, как несется над рекой пасхальный звон – будто волны новой жизни вливаются в душу, слезы навертываются на глазах. Долго и молча стоишь зачарованный...»[14].

Текст не об архитектуре непосредственно, но в то же время он точно передает тот дух, настрой храмовой архитектуры, который должен быть. И, на наш взгляд, изложенное ранее о связях содержания канона Пасхи и семантически-ассоциативном поле архитектуры храмов созвучно приведенной цитате.

Не только литературные описания впечатлений от храмов есть в трудах свщмч. Илариона. Свойственная звучанию его проникновенного языка строгость прослеживается в емких религиозно-искусствоведческих характеристиках, важных для нас.

«В рационализме равны и католицизм, и протестантизм. И вот, на наш взгляд, замечательный факт: церковная архитектура у них одна, и внутренний вид храмов равно бесцветен, хотя католики и признают Седьмой Вселенский Собор, навеки благословивший всякое церковное благолепие. Рационализм в корне подтачивает основной нерв христианства: идеал обожения человеческого естества, утверждающийся на воплощении Сына Божия. Православная Церковь живет этим идеалом, о чем говорит и церковное наше благолепие. Ведь, по мысли отцов Седьмого Вселенского Собора, «иконного живописания изображение» служит нам «ко уверению истинного, а не воображаемого воплощения Бога Слова»»[15].

О какой «бесцветности» говорит свщмч. Иларион? Любители западных городов, очевидно, обвинили бы его в «непонимании». По нашему мнению, речь здесь идет не о «визуальной бесцветности» – если и нет икон, как в протестантских храмах, то есть «декор», «интерьер»

[14] Иларион (Троицкий), священномученик. Письма О Западе. https://azbyka.ru/otechnik/Ilarion_Troitskij/pisma-o-zapade/#0_2
[15] Там же.

и т.д. «Бесцветность» – это расслабленность, пустота для сердца, отсутствие религиозно-событийного наполнения. И здесь, нисколько не отходя от темы, можно сказать, что пространство собора (храма) должно обладать семантическим многоголосием, способным «ответить» на пасхальный возглас «Христос Воскресе!» тысячью голосов и в другое время созерцать молящегося будто живым взглядом сострадания и милосердия с надеждой на оставление грехов в Великий Пост и иные дни особого покаяния.

Приведем пример о «многоголосии» не буквально-архитектурный, но весьма наглядный, образный в отношении ясности выражения религиозного переживания. Это сведения, записанные некогда монахами Киево-Печерской Лавры: «В год от сотворения мира 6971, от Рождества же Христова 1463, при благочестивом князе Киевском Симеоне Александровиче Олельковиче и брате его, князе Михаиле, и блаженном архимандрите Печерском Николае, занимал должность начальника пещер один из братии, священноинок Дионисий, по прозванию Щепа. Он на Великий день вошел в пещеру преподобного Антония покадить тела усопших святых и пришел на место, называемое община или трапеза. Покадив тут, он сказал: «Святые отцы и братие, сегодня великий день: Христос воскресе!». И тут вдруг понесся ото всех мощей голос, как гром: «Воистину воскресе!»[16]. Здесь очевидны возражения, что это только миф, а уж если говорить об архитектуре, как же немые каменные своды могут тысячью голосов возгласить в ответ «Воистину Воскресе!»? И разве способны своды «сделать» так, чтобы человек почувствовал на себе сострадающий и милующий взгляд свыше?

Если бы не существовало таких ассоциаций, если бы сам собор (храм) не возглашал вослед людям «Христос Воскресе!», то никогда бы, наверное, полностью не раскрывалась и не оживала душа человека в этих воистину великих переживаниях. Это, говоря одним словом, и есть сам факт существования веры, вера не живет без дел и без обновления, раскрытия души. Обращаясь снова к книгам свщмч. Илариона, отметим как исчерпывающе полно он назвал «догматически нелепым» (т.е. выпадающим из круга церковного устроения, понятий и жизни) такое состояние, когда на службе нет общности людей, когда нет явного чувства соборности, единения из-за того, что люди теряются в невыразительном огромном объеме (см. «Письма о Западе», там же). Т.е мы получаем подтверждение всем излагаемым позициям методом «от противного»: если пространство собора за счет габаритов ли, или немоты, отсутствия семантики, или по каким-то еще причинам не собирает людей воедино, не греет, не рождает желания молиться, петь и восклицать на Пасху сообща, «единым сердцем и усты», то не решена архитектурная задача (или «сверхзадача»).

Из области не-художественной, и, самое главное, не-поверхностной литературы приведем выдержку из писем священномученика Василия Надеждина 1913 года, это фрагменты стихотворений [4].

«Я поражаюсь здесь Невой,
Любуюсь глазом непривычным.
Когда впервые я попал
В ее простор необозримый,
То в пароходе быстро встал
Какой-то робостью томимый.
Какая ширь и красота!
И сколько жизни на просторе!
Москва у нас совсем не та,
Нева в сравненье с нею – море.
В груди моей кипел восторг,
Когда Невой я плыл, качаясь,
Забыла свой ревнивый торг
Москва, во мне уже отчаясь.

[16] URL: https://pravlife.org/ru/content/skazanie-o-chude-v-peshchere-byvshem-vo-vremya-pashi

С Невы я город осмотрел:
Ампир казенный неизменный
И колер мрачный непременный;
Церквами Питер не пестрел,
Как вид Москвы, для нас священный.
Собор, достойный Петрограда, —
Исакий виден был с Невы.
Как сумрачна его громада!
Как грозен блеск его главы!
Под сень его во мрак холодный
Вошел я с трепетом души
И малахита благородный
Увидел блеск. В святой тиши
Со стен глядели чудным взором
Из мозаики образа,
Их нежным, неземным убором
Мои пленялися глаза….»
<…>
«Был и в Казанском я соборе,
Молился средь его колонн
И видел я молитвы, горе
И искренний народный стон
Перед иконой чудотворной.
Я понял — рано мне тужить:
Есть много веры непритворной,
И можно Богу послужить».

Замечательно и то, что он видит Петербург свежим, просветленным взглядом, и замечательна оценка Казанского собора – архитектура «за текстом», она сопровождает и выделяет в пространстве города смысл – средоточие веры. Это непривычно для нас, т.к. обыкновенно самые первые слова, стандартные – о специфике внешности собора, о декоре, о Воронихине, - по обычной экскурсоводческой схеме.

Здесь снова появляется «риторический вопрос»: если сердце человека может быть полно *верой непритворной*, то как обстоит дело с архитектурой, с «материалом»? С одной стороны, все непросто, а с другой – мы точно знаем, что многие соборы, храмы XI–XIII–XV веков достоверно полны *веры непритворной*. Пространство собора (храма) должно в идеале работать так, что в нем сосредотачиваются многослойные и даже разнонаправленные ассоциации – и чувство покаяния, и просветление, и радость Пасхи. Как мы обсуждали ранее, такое многосложное состояние может решаться единым «приемом», «семантическим движением». Состояние неземной чистоты, возвышенности, света вещественного и света духовного может быть достигнуто «одним мазком». Далее на некоторых примерах мы постараемся показать названные свойства архитектуры соборов.

Примеры архитектуры отечественных соборов, подтверждающие рассматриваемые характеристики

Итак, кратко повторим, какие именно пункты были сформулированы ранее в качестве рабочих «постулатов», и затем рассмотрим, какие примеры из известных объектов им соответствуют.

Допуская то, что постановка задачи в данном исследовании в чем-то непривычна, мы не пытаемся настаивать на утверждении неких «аксиом». С чьей-то точки зрения искомые вещи присутствуют в архитектуре соборов (избранных для демонстрации), с чьей-то, возможно, нет. Поэтому сначала кратко повторим по пунктам положения или мысли, ставшие обобщениями по итогам размышлений над текстами канонов.

1. Архитектура собора (храма) должна создавать ассоциативно-семантическое поле, которое позволяло бы человеку осознать дистанцию «от своей жизни до жизни праведников Ветхого и Нового Заветов».
2. Качества архитектуры должны предвосхищать и утверждать радость Пасхи.
3. В архитектуре должны отображаться представления о том, насколько высоко может подняться человек, прошедший путь не-фарисейского покаяния.
4. Возможно ли, что существовал (существует) «церковнославянский язык» старинной архитектуры соборов как аналогия емкого и всеохватывающего во временнóм смысле языка церковных служб? Т.е. мы предполагаем, что внутреннее соподчинение компонентов архитектуры соборов и храмов было построено отчасти на других смысловых связях, которые стали ослабевать к настоящему времени. Это предположение актуально потому, что вне церковнославянского нельзя выразить основополагающие позиции православного богослужения[17]. И аналогично, вне особого языка, особой логики соподчинения архитектурных элементов, вероятнее всего, не получится создать привычные для церковной атмосферы ассоциации и внутри, и снаружи храма.
5. В идеале все происходящее на службе должно возвышать человека, чтобы он соприсутствовал в «невечернем дни», во времени Вечности, и Небесном, и земном тоже. Ассоциации, пробуждаемые архитектурой, охватывают многосложные времена – и «время чаяния прощения грехов», и «время радости Пасхи», что не может быть достигнуто без неземной, ангельской чистоты архитектурного образа.

Переходя к примерам, подтверждающим высказанные предположения, мы заранее должны оговориться, что обсуждаемое относится к таким аспектам архитектуроведения, которые крайне сложно обеспечить графической фиксацией материалов. В основном, как говорилось выше, определенные характеристики архитектуры фиксируются словесно. В категориях церковнославянского, к сожалению, описаний архитектуры в нашем понимании весьма немного, т.к. сам язык изначально не был житейским, «бытовым». Но остается, на наш взгляд, такой достаточно выразительный метод, как оценка особых состояний гармонии архитектуры и природы при доступных уровнях освещенности. Во всяком случае, это подвластно фотографии хотя бы гипотетически – часть впечатлений, настроения все равно передаются. Сфотографировать храм внутри практически невозможно так, чтобы в снимке, например, отобразилось *переживаемое в реальном времени* состояние праздника Пасхи. Поэтому, применяя метод опосредованной оценки визуально-средовых качеств архитектуры с возможными словесными дополнениями о происходящем внутри, можно попытаться хотя бы обозначить пространственно-семантические привязки того рода, о котором говорилось ранее.

Первый пример касается «отклика» природы, световоздушной среды. Это этюд автора, написанный на Пасху 1995 года в Соловках, естественно, уже в дневное время. Такое свидетельство – отдаленное и может быть оценено как субъективное (рис. 1). И, тем не менее, из опыта многих людей известно, что в природе в такие дни и часы нередко открываются особые состояния, и поэтому справедлив вопрос: в какой мере архитектура собора, храма достигает гармонии с этими особыми состояниями? И «чем»? Ответ и гипотеза одновременно, что созвучие с особыми «просветленно-праздничными» состояниями природы достигается звучанием упомянутой «струны» в архитектуре очевиден, но сложно доказуем. Развитие объемно-пространственной композиции, семантических ходов, декора – все, что создает образно-ассоциативное поле архитектуры собора – тем более полноценно, чем отчетливее чувствуется развитие «событий» души верующего от Великого покаянного канона к торжеству Пасхи; при высокой степени гармонизации такого рода наиболее вероятно совпадение со звучанием особенно просветленных, «праздничных» состояний природы.

[17] Митрополит Саратовский и Вольский Лонгин (Корчагин). Полюбить Церковь. Издательство Саратовской митрополии, Саратов, 2017.

Рис. 1. Соловецкий монастырь, Пасха 1995 года

Спасо-Преображенский собор Соловков приобрел в конце XX века звучание, очевидно, наиболее близкое к исходному, благодаря реставрации О.Д. Савицкой и В.В. Сошина. И оно, на наш взгляд, ближе к обсуждаемым в статье свойствам архитектуры. Ввиду того, что визуально-графическими средствами крайне сложно зафиксировать те нюансы архитектуры соборов, которые обсуждаются, поневоле мы прибегаем к использованию общих образных ассоциаций. Главное, как упоминалось выше, в отношении качеств архитектуры – создание и поддержание образа неземной, ангельской чистоты. Нередко это чувствуется в макрообъеме – в панораме, в крупногабаритной перспективе – не меньше, чем в сосредоточенном переживании конкретного момента богослужения, например, на Пасху. Ансамбль Соловецкого монастыря, основные части которого сложились в течение более чем полутора веков и объединяются Спасо-Преображенским собором, во многих состояниях природы обладает поразительно ясным состоянием именно ангельской чистоты, неземной и в переносном, и почти в буквальном смысле, как в периоды белых ночей, так и в «обычном» освещении (рис. 2, 3).

Рис. 2. Вид Соловецкого монастыря со стороны Святого озера, июнь 2005 г.

Рис. 3. Спасо-Преображенский собор Соловецкого монастыря

На приведенной иллюстрации отчетливо чувствуется, что семантика, т.е. поле религиозно-эмоциональных ассоциаций, возникает в единении с состояниями природы; роль архитектуры тут тем более удивительна, что состояния природы по своим «эмоциям» могут быть сильно противоположны на первый взгляд. Природа Севера, и Соловков в особенности, богата, как известно, разными «голосами», т.е. способностью рождать в человеке самые различные глубинные ассоциации. Внешне эти состояния различны – это и нежнейший покой безмятежной июньской белой ночи без единого ветерка, и «предвечное» золото осеннего заката, и темно-сапфировые, трепещущие в воздухе силуэты глав в вечернем предштормовом состоянии осенью или зимой, или безграничное море вьющегося в метели полярного снега, ни в чем не похожего на «московский» и т.д. Но за всем этим, как писали многие авторы и светские, и церковные, чувствуется очищающее и возвышающее воздействие соловецкой святыни, удивительным образом слитое с архитектурой. За рамки обычных представлений выходит то, что люди чувствовали это воздействие даже в суровые годы СЛОНа[18].

Есть основания думать, что наши предки, не отягощенные тысячами разновидностей эгоцентрических (безрелигиозных) философий и умственным туманом «цифрового счастья», могли много лучше чувствовать религиозное начало природы. Переменчивость состояний, создающая немыслимую красоту, безусловно не только «красива» внешне. В природе раскрывается красота творения как замысел и присутствие ее Творца, что описано неоднократно самыми значимыми авторами. И к числу этих авторов принадлежат, по нашему мнению, и зодчие, которые улавливали созвучие внутреннего строя природы и религиозных переживаний человека. Сложно сказать, насколько прослеживается в каких-то исчисляемых мерках соответствие в отношении того, что названо выше «струной» религиозных переживаний от Великого покаянного канона к Пасхе, и умения создать гармонию архитектуры и природы – тоже на уровне самых глубоких переживаний. Это соответствие, на наш взгляд, есть. Поэтому можно предполагать, что через гармонию зодчества и природы можно почувствовать степень гармонизации архитектуры собора (храма) и религиозных переживаний как таковых.

Успенский собор Малоярославца. Из доступных примеров приведем фотографию на Пасху 2017 года, также, конечно, уже днем. Это состояние можно охарактеризовать, с одной стороны, просто как колористическое напряжение или совпадение оттенков. И при этом все равно чувствуются эмоции особого рода, некий «сгусток» чувств, в котором соединяется и голос весеннего неба, и созвучное природе состояние просветления, словно бы вещественно излучаемое архитектурой храма. Упоминавшиеся в начале работы настройки архитектуры – и «расстояние» до жизни великих праведников, и возвышенное состояние празднования Пасхи – сливаются в едином аккорде с природой, с воздухом вокруг (рис. 4).

[18] Волков О.В. Погружение во тьму. Из-во «Вагриус». Москва, 2000. – С. 103.

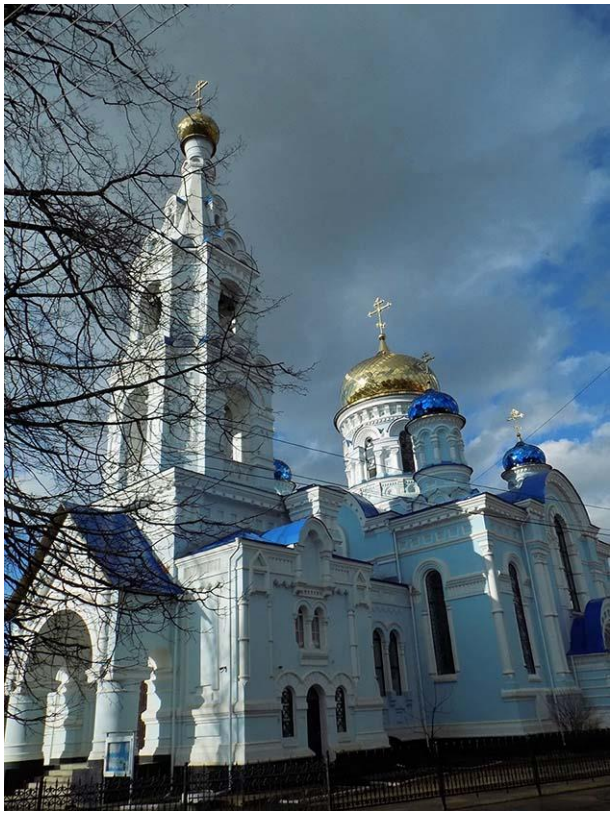

Рис. 4. Успенский собор, Малоярославец, Пасха 2017 года

Кронштадт, Никольский Морской собор. Многосложный объем, как это кажется при взгляде снаружи, становится совсем «простым» при созерцании изнутри. Но это не механическая простота, а созвучие самым глубоким религиозным переживаниям, отчего пространство собора воспринимается как необыкновенно легкое. Автору не доводилось бывать там в Великий пост и на Пасху, но вполне уместно полагать, что удивительные свойства пространства становятся намного более сильными в дни особых служб и самой Пасхи (рис. 5).

Приведем описание Никольского Морского собора из уже упоминавшихся писем священномученика Василия Надеждина. Запись сделана, когда собор был только недавно завершен: *«… Чудный византийский стиль (купольный), вся одинаковая живопись, древнерусская, или тоже византийская, громадные паникадила со множеством белых элекр[ических] лампочек, которых в соборе всего пять тысяч. Перед иконами горят электр[ические] лампады, но выкрашенные так, что будто там налито масло. А свет от них такой же теплый, ласковый, настоящий лампадный. Весь собор замечательно светленький, чистенький, так что оставляет удивительно славное чувство милой, изящной красоты и духовного благолепия*[19]*. Хоры поддерживаются колоннами из разноцветных мраморов и с резными капителями из бронзы, так что не найдешь двух одинаковых колонн. <…> Более прекрасное, более изящно-художественное в этом византийском стиле трудно себе представить»* [4].

[19] Здесь следует подчеркнуть, что словосочетание «духовное благолепие» подразумевает ясность и выразительность семантических решений – соответствие архитектуры и декора задачам. В современном светском языке «благолепие» нередко употребляется в иной плоскости, как штамп, в том числе иногда с отрицательным подтекстом «избыток», «перегруженность» декора.

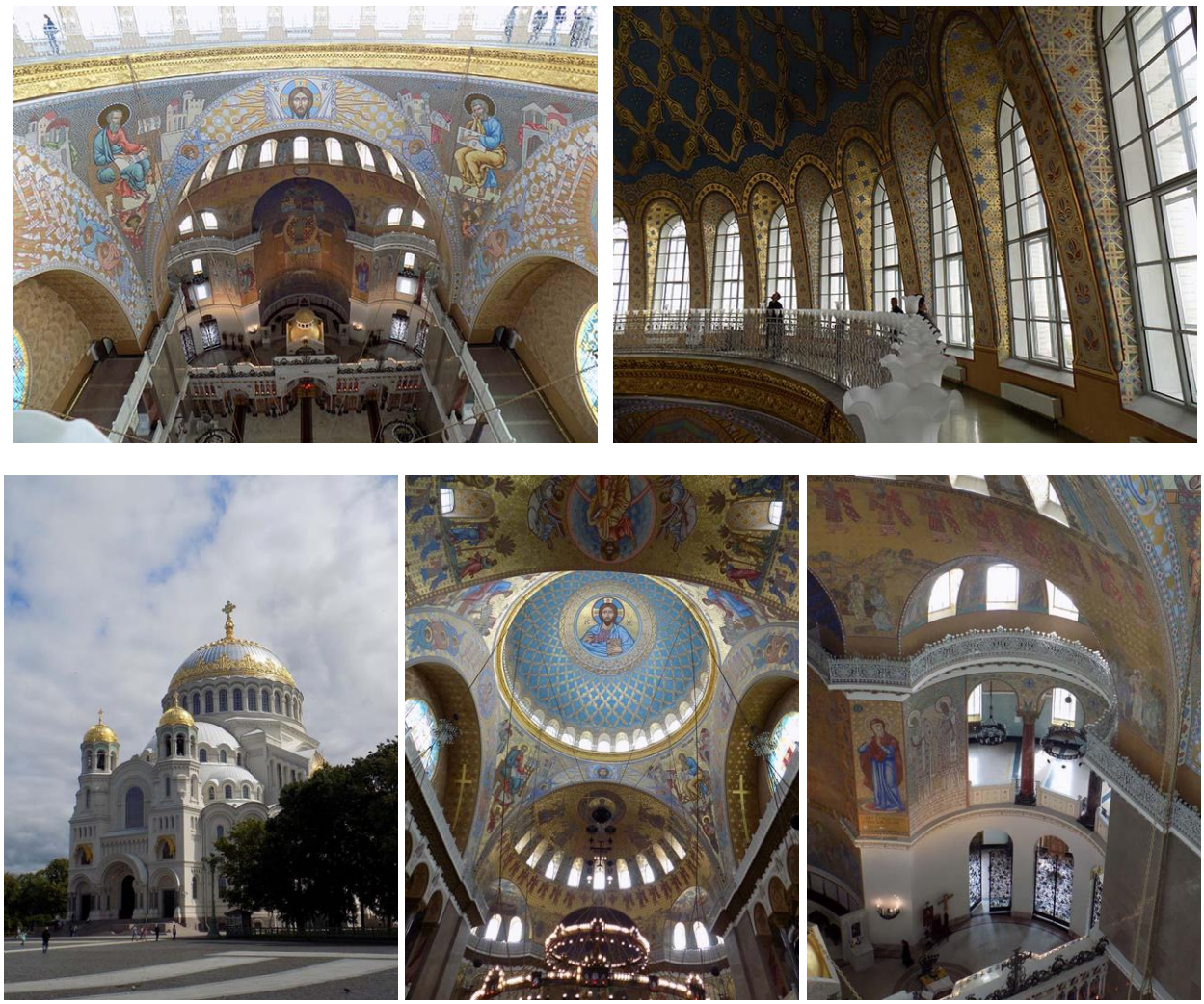

Рис. 5. Никольский Морской собор, Кронштадт. Общий вид, вид с галереи, вид сверху на конху изнутри, вид на иконостас с запада, обходная галерея главного барабана

Вологда, Спасский собор Спасо-Прилуцкого монастыря. Созданный уже при жизни Иоанна Грозного, этот собор еще не принял в архитектуре новых волн бурного развития зодчества своей эпохи. В этом его огромная ценность для нашей темы. Не будучи наделен активными формами собора Покрова на Рву или другими новшествами времен Иоанна, он весьма выразителен своей тонкостью, принадлежностью к нежным и глубоким северным небесам. Те религиозно-психологические ассоциации, о которых мы говорили при обсуждении текстов канонов, ясно просматриваются при созерцании собора. Сама архитектура будто прикасается к глубочайшим тайнам бытия, что, в свою очередь, достигается пониманием наиважнейших религиозных категорий. Автору не доводилось посещать монастырь весной, но зимние фотографии также выразительны в аспекте темы (рис. 6).

Ферапонтово, собор Рождества Богородицы. Из дошедших до нас средневековых соборов редко где в такой степени присутствует незатронутое духовно просветленное пространство. Личный вклад Дионисия тут безусловно велик и особенно дорог тем, что им были достигнуты именно над-личностные, духовные состояния письма. Сам смысл иконы не только как некоего общего «отображения» Первообраза, но как максимально доступной земным средствам степени приближения к Первообразу здесь явен. О таком воздействии на каменное недвижное пространство сводов и стен автором было проведено краткое исследование [5]. Широкий охват данной тематики, как известно, есть в трудах Е.Н. Трубецкого. Мир Горний, духовный живет в сознании зодчего *прежде* материальной архитектуры – что не может не сказываться на конкретных формах.

Рис. 6. Спасский собор Спасо-Прилуцкого монастыря, Вологда. Общий вид и вид в ансамбле монастыря

Обсуждая тему статьи, можно сказать, что единое устремление, собирающее все архитектурно-композиционные и архитектурно-художественные решения и саму иконопись как духовное начало здесь можно ощутить наиболее явно. И, по нашему мнению, начало это идет, в частности, от вполне осязаемого звучания упомянутой «струны» двух особо чтимых канонов. Далее представлен общий вид собора (купол изменен перестройками) и наиболее выразительные с точки зрения тематики части росписей (рис. 7).

Рис. 7. Собор Рождества Богородицы, Ферапонтово. Общий вид, росписи барабана – образ Господа Вседержителя в центре, роспись системы центральных арок, один из четырех сюжетов Благовещения на северном столпе. Состояние внутреннего пространства при естественном освещении

Успенский собор Кеми – также хрестоматийный объект, для нашей работы особо драгоценный состояниями еще прежней реставрации А.В. Ополовникова. Можно смело сказать, что главное его достоинство – это жизнь архитектуры «в небе» и вполне осязаемое созвучие тем категориям, которые обсуждались в первой части статьи. Состояние или ощущение вечности основано, прежде всего, на степени приближении к правде, той самой, о которой говорят: «не в силе Бог, а в правде». Правда архитектурная – она, видимо, при всей ассоциативности сосредоточена в цельности и гармоничности решений, которые позволяют «как в реку» войти в пространство храма человеку, переживающему и покаяние, и радость Воскресения (пространство и внутреннее, и вокруг храма). Такие соборы и храмы, как Успенский в Кеми, необыкновенны своей внутренней чистотой. Далее приведены несколько фотографий, отчасти передающих внешность собора в особенных состояниях, и также фотографии некоторых хранящихся в соборе икон, по легенде написанных некогда для Соловков, но возможно, что и для самого Успенского собора (рис. 8). Независимо от датировки икон, характер письма – также свидетельство понимания необходимости создания особой, проникновенной чистоты и в иконном письме, и в пространстве храма. Крупно показан лик Святителя Петра, Митрополита Московского[20]. Вполне можно сказать, что взор его наполнен духовным содержанием и сам по себе, и в отношении восприятия пространства храма. Это *«человек во храме»* как особое состояние, взгляд словно показывает, *что и кого* желательно человеку видеть в соборе, храме. В этом взгляде и глубочайшее покаяние, и молитва, происходящая сейчас (вот это мы именовали *церковнославянским языком* пространства, т.е. присутствует настоящее, реальное для нас время, а не «экспонат»), и неложное упование на вечное Воскресение (рис. 9). Архитектура также отображена этим взглядом как реально существующее и одновременно идеалистическое пространство собора, храма.

[20] Распознавание имен по титлам предоставлено автору в личном порядке реставраторами, на данный момент еще не завершившими работу над иконами.

Рис. 8. Успенский собор, Кемь, общий вид, Никольский придел

Рис. 9. Иконы из Успенского собора, Кемь. Слева и справа святители Петр, Митрополит Московский, и Григорий Богослов, в центре – святитель Николай; лик святителя Петра (фрагмент)

Заключение

Рассмотренные связи соотношения религиозных переживаний, размышлений и архитектуры православных соборов, безусловно, существуют. На примере содержания Великого покаянного канона и канона Пасхи можно видеть, что их религиозно-нравственное содержание (как и других молитвенных текстов) образует вполне осязаемое средоточие, которое идейно собирало и собирает вокруг себя весь архитектурно-композиционный ряд каждого конкретного собора, или храма.

Анализ текста канонов позволяет увидеть характеристики и свойства архитектуры соборов, которые во многом выпадают из внимания современных проектировщиков. Так, ныне внимание чаще сосредоточено на формах геометрических тел, образующих само здание храма. Каноны при их внимательном прочтении позволяют почувствовать, что для архитектуры собора, храма необходимо присутствие образно-психологических ассоциаций, раскрывающих глубину религиозных переживаний. При этом архитектура совершенных соборов, в основном старинных, создает наиважнейшие религиозно-психологические ассоциации параллельно, в одном астрономическом времени – это и чаяние покаяния и прощения грехов, и устремление к неземной чистоте образа Горнего Мира в целом, и радость Пасхи.

Подтверждением рассмотренных в работе религиозно-психологических ассоциаций, пробуждаемых архитектурой соборов и храмов, являются оценки храмового пространства как светскими, так и церковными писателями. И наиболее выразительные взгляды святых, запечатленные на иконах, также показывают необходимые качества и свойства зодчества, т.к. пребывающий в молитве святой находится и в храме земном, и одновременно в храме Мира Горнего.

Умение зодчих наделять собор, храм ассоциациями с духовно значимыми временами – временем чаяния прощения, временем радости Пасхи, временем созерцания неземного, блистающего божественным присутствием света – происходит, вероятнее всего, от умения прочесть молитвенные тексты в их основном объеме. Это неразрывно связано с пониманием церковнославянского языка как единственного, позволяющего достичь глубины передачи основных религиозных ценностей православного вероисповедания.

Одно из главнейших свойств архитектуры старинных соборов – это их способность создавать ассоциации, позволяющие человеку осознать «дистанцию» от своей жизни до жизни праведников Ветхого и Нового Заветов. Достижение такого уровня семантической выразительности архитектурно-пространственных решений базируется на поиске неземной, «ангельской» чистоты архитектурно-художественного образа.

Источники иллюстраций

Рис. 1. Этюд автора, 1995 г.
Рис. 2,4,5,6,7,8 фото автора.
Рис. 3. URL: https://obzor.lt/images/news/11/2017_11_26/pic4.jpg; http://www.diveevo.ru/objects/gallery_file_1040_o.jpg

Список источников

1. Петров-Спиридонов Н.А. Роль религиозного понятия «предстояние» и роль индивидуальной идеи в развитии архитектуры православных соборов России // Architecture and Modern Information Technologies. 2022. №3(60). С. 74–97. URL: https://marhi.ru/AMIT/2022/2kvart22/PDF/05_petrov.pdf DOI: 10.24412/1998-4839-2022-3-74- 97

2. Иларион (Троицкий, Владимир Алексеевич). Покаяние в Церкви и покаяние в католичестве / [Соч.] Иеродиакона Илариона, доц. Моск. духовной академии. Москва: Печ. А.И. Снегиревой, 1913. 50 с.

3. Мельник В.И. Гончаров и православие. Духовный мир писателя. Москва: Изд-во «Дар», 2008. 544 с. ISBN: 978-5-485-002122-1

4. Надеждинская надежда: Жизнеописание, письма, наследие и документы архивно-следственных дел священномученика Василия Надеждина / [Сост. жизнеоп., примеч. И.И. Ковалевой]. Москва: Изд-во ПСТГУ. 2022. С. 288–291.

5. Петров-Спиридонов Н.А. От «руиноведения» – к архитектору Дионисию. О методологии научной оценки русского средневекового зодчества XIII - конца XVI века в отношении к современному проектированию православных храмов // Наука, образование и экспериментальное проектирование. Тезисы докладов международной научно-практической конференции, профессорско-преподавательского состава, молодых ученых и студентов. Том 2. Издательство: МАРХИ, Москва. 2017. С. 453–455.

References

1. Petrov-Spiridonov N.A. The role of the religious concept of "staying before God" and the role of an individual idea in the development of the architecture of Orthodox cathedrals in Russia. Architecture and Modern Information Technologies, 2022, no. 3(60), pp. 74–97. Available at: https://marhi.ru/AMIT/2022/2kvart22/PDF/05_petrov.pdf DOI: 10.24412/1998-4839-2022-3-74-97

2. Ilarion (Troickij, Vladimir Alekseevich). *Pokayanie v Cerkvi i pokayanie v katolichestve* [Repentance in the Church and repentance in Catholicism]. Moscow, 1913, 50 p.

3. Mel'nik V.I. *Goncharov i pravoslavie. Duhovnyj mir pisatelya* [Goncharov and Orthodoxy. The spiritual world of the writer]. Moscow, 2008, 544 p.

4. *Nadezhdinskaya nadezhda: Zhizneopisanie, pis'ma, nasledie i dokumenty arhivno-sledstvennyh del svyashchennomuchenika Vasiliya Nadezhdina* [Nadezhdinskaya hope: Biography, letters, legacy and documents of archival and investigative cases of the Holy Martyr Vasily Nadezhdin]. Moscow, 2022, pp. 288–291.

5. Petrov-Spiridonov N.A. *Ot "ruinovedeniya" – k arhitektoru Dionisiyu. O metodologii nauchnoj ocenki russkogo srednevekovogo zodchestva XIII - konca XVI veka v otnoshenii k sovremennomu proektirovaniyu pravoslavnyh hramov* [From "ruin studies" – to the architect Dionysius. On the methodology of scientific evaluation of Russian medieval architecture of the XIII - late XVI century in relation to the modern design of Orthodox churches. Science, education and experimental design. Abstracts of the international scientific-practical conference, faculty, young scientists and students]. Vol. 2. Moscow, 2017, pp. 453–455.

ОБ АВТОРЕ

Петров-Спиридонов Николай Александрович
Доцент кафедры «Храмовое зодчество», Московский архитектурный институт (государственная академия), Москва, Россия
nicnord@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Petrov-Spiridonov Nickolai A.
Assistant Professor, Chair «Church Architecture», Moscow Architectural Institute (State Academy), Moscow, Russia
nicnord@mail.ru